

Анастасия Вербицкая

Наденька

Анастасия Вербицкая
Наденька

«Public Domain»

1904

Вербицкая А. А.

Наденька / А. А. Вербицкая — «Public Domain», 1904

«– Наденька!.. А Наденька! – звенел в палисаднике возбуждённый детский голосок. – Он у меня палку отыма-а-ет...– Надежда Митревна, в кладовую пожалуйста! – слышалось с заднего крыльца.– Наденька!.. Мы ждём чаю! – кричали с террасы.– Наденька-а... Он у меня палку отыма-а-ет...»

Анастасия Вербицкая

Наденька

– Наденька!.. А Наденька! – звенел в палисаднике возбуждённый детский голосок. – Он у меня палку отыма-а-ет...

– Надежда Митревна, в кладовую пожалуйста! – слышалось с заднего крыльца.

– Наденька!.. Мы ждём чаю! – кричали с террасы.

– Наденька-а... Он у меня палку отыма-а-ет...

– Ах, Боже мой!.. (Громко.) Иду... иду сейчас... (Шёпотом.) Господи!.. И отойти от дома не дадут...

Эти восклицания вырвались у молоденькой расфранчённой девушки, которая спешными шагами подымалась на крыльцо дачной кухни. В дверях нарядная кормилица, с лукавой усмешкой на полных губах, дёрнула девушку за рукав.

– Приехал, барышня... На террасе сидит...

– Что ты врёшь! – вспыхнула Наденька.

– Вот те крест!.. Нешто ты его лошадь на дворе не видала?

– Перестаньте драться, дети! – с заметным раздражением воскликнула сидевшая на террасе хозяйка, восхитительно одетая и пикантная шатенка.

– Он у меня палку отыма-а-ет... – уже со слезами вопил хорошенький пятилетний мальчуган.

– Врёшь, Витька, врёшь!.. Моя палка... Я себе взял, – протестовал семилетний Серёжа.

– Перестаньте сейчас! Серёжа, отдай Вите палку! (Витя был любимцем матери.) Слышишь ты? Сейчас отдай! Ах, Боже мой! Куда же это бонна пропала! Наденька!..

– Иду, иду! – отчаянно крикнула Наденька сверху, где она спала с детьми.

Сидя перед крохотным зеркальцем, она пудрила своё слишком румяное лицо.

– Вот что значит иметь молодую бонну! – ядовито усмехнулась Анна Егоровна, соседка Алексеевых по даче.

Это была высокая и высохшая барыня, с ястребиным профилем. Она была известна тем, что прислуга у неё не жила дольше недели. Все ненавидели её и боялись.

Знакомство её с хорошенькой Варварой Андреевной началось с тех пор, как она нажаловалась ей на бонну, которая на кругу строила глазки офицерам. Варвара Андреевна сперва растерялась, потом сообразила что-то и вежливо поблагодарила соседку за участие к её интересам... Но, пожимая красивыми плечами, сквозившими так заманчиво сквозь чёрный гренадин лифа, она заметила соседке, что к молодости надо иметь снисхождение.

– Вы слишком добры, знаю, – зашипела Анна Егоровна. – В другом месте ей не позволят так рядиться и кокетничать. Я за ней давно слежу. Нет, уж вы чересчур снисходительны...

Слабая краска проступила из-под слоя пудры, покрывавшего лицо Варвары Андреевны, и веки её подрисованных глаз дрогнули. «Она что-нибудь знает», – мелькнуло в её голове.

Результатом этого соображения было то, что Варвара Андреевна пригласила зубастую соседку на чашку чаю, и вот уж два месяца как, втайне проклиная эту злобную сплетницу, принимала её с таким почётом, как принимают разве богатую тётку, от которой ждут наследства.

Варвара Андреевна прошла на другой конец террасы, где сидел красивый офицер, с задумчивым видом бивший себя хлыстиком по запylённым ботфортам. Там хозяйка опёрлась на перила и насмешливо сощурилась на свою безобразную гостью.

– Я люблю видеть кругом молодые, красивые лица, – заговорила она. – Моя кормилица – тип русской красавицы. Наденька хотя и вульгарна (затаённое злорадство на мгновение провалилось в её тоне), но всё-таки мила... Не правда ли, Максим Николаич?

Она так внезапно повернулась своим стройным телом к офицеру, что тот вздрогнул невольно. Он видел – да и не он один, – как искра ревнивого чувства вспыхнула и мгновенно угасла в её красивых глазах. И когда он приготовил равнодушный ответ, лицо её уже бесстрастно улыбалось.

– А знаете ли, Анна Егоровна... Я подозреваю, что Наденька у вас поклонника отбила. За что вы её так ненавидите? – вдруг вмешался в разговор сам Алексеев, плотный блондин лет сорока, с большой лысиной и русой бородой.

Он сидел тут же, на ступеньках террасы, в роскошной чесучовой паре, подпёрши руками свой жирный подбородок и задумчиво глядя перед собой.

– Вы не допускаете порядочных женщин, никогда не имевших поклонников... и которые считают безнравственным их иметь? – зашипела Анна Егоровна, как-то судорожно усмехнувшись.

Алексеев поглядел на неё.

– Допускаю... в некоторых случаях. – он вынул папироску из массивного серебряного портсигара. – Максим Николаич, передайте-ка спички... А что касается Наденьки, всегда скажу, что очень мила, и девушка порядочная...

– Чем же это порядочная? Что до сих пор ещё не пала?

– Да-с, Анна Егоровна, хотя бы и тем... Мне и то удивительно, что она до сих пор не свихнулась... Ей уже за двадцать лет... Не шутка!

Он раскурил папиросу и далеко швырнул спичку. Она сверкнула в неподвижном воздухе и упала в траву палисадника.

– Какой цинизм! Неужели, по-вашему, так трудно удержаться от падения?

«Тебе-то, наверное, легко», – подумал Алексеев и пустил гостёе дым прямо в лицо.

– А как бы вы думали, Анна Егоровна? Ведь, на Наденьку кто только зубы не точит из нашего брата? Аппетитная девочка... Правда, Максим Николаич?

Он повернул голову чуть-чуть в сторону красивого кавалериста. В его добродушном тоне и в плутовских заплывших глазках было столько иронии, что офицер вспыхнул и весь как-то подтянулся.

– Она вульгарна, – засмеялся он деланным смехом, чувствуя, что краснеет и что нельзя краснеть. «Ах, чёрт возьми!.. Видел что-нибудь»... – промелькнуло в его кудрявой голове.

Неестественный звук этого смеха заставил Варвару Андреевну измениться в лице.

Ей было тридцать семь лет. Она была удивительно моложава и интересна. Поклонники у неё не переводились. Но она знала, *чего* стоит ей эта молодость. Никто никогда не видал её запросто, раздетой; никто – даже муж – не знал, что у неё своё, что фальшивое! Лицо её было удивительно нежно и художественно разрисовано, и только хитрой Наденьке удалось один раз подглядеть, как Варвара Андреевна «оживляет» свой цвет лица. (Конечно, на другой же день кавалерист уже знал об этом.)

Варвара Андреевна как умная женщина не скрывала своих лет. Но она с тайной завистью глядела на банальное, но свежее лицо бонны, незнакомое с косметиками.

На замечание кавалериста Алексеев рассмеялся жирным смехом и опять подмигнул ему.

– Ну да!.. Толкуйте... «Вульгарна»... Зато фальсификации никакой... А свежесть-то? «Бутон», одним словом...

– Витя! – нервно крикнула хозяйка, перегибаясь через перила. – Сколько раз говорила: не ходи по цветам?

Офицер почуял приближение бури.

– Если она бутон, – вкрадчиво начал он, – то Варвара Андреевна...

– Пышная роза, которую так и хочется сорвать и упиться её ароматом, и т. д. и т. д... Вы ничего не имеете, что я кончил за вас? – хладнокровно спросил Алексеев. – Мы так сжились с вами, Максим Николаич, что, когда вы открываете рот, я наперёд угадываю, что вы скажете.

Кавалерист опять вспыхнул и поклонился.

– Какое трогательное единодушие! – заметила Анна Егоровна.

«И чем только этот пошляк пленил Варю? – спрашивал себя Михаил Семёнович. – И неужели она не видит, как он глуп?»

О, нет! Она это видела с тоской, почти с отчаянием, но свежесть и красота этого человека кружили ей голову, дразнили и влекли эту праздную, нервную и скучающую женщину. Из всех её увлечений это было самое сильное.

Алексеев, между тем, продолжал вслух, с наслаждением затягиваясь и выпуская колечки дыма:

– Ведь в таких «бутонах», как Наденька, собственно что хорошо, помимо их свежести? То, что душа их там, что ли... это – лист белой бумаги, нетронутый лист, на котором мужчина пишет своё слово, дурное или хорошее... по большей части, дурное... Это первая заповедь на скрижали... Впоследствии, когда весь лист к концу жизни исписан вдоль и поперёк, первое слово всё-таки помнится. И оно, собственно, даёт всему миропониманию женщины его индивидуальный, так сказать, колорит...

– А разве лист непременно должен быть дописан? – вполголоса, не оборачиваясь, спросила Варвара Андреевна.

Она, не моргнув, глядела в золотистую даль, в далёкое поле, где блеяло, приближаясь, стадо, и где щёлкал поминутно кнут пастуха.

– Обязательно. Некоторые из них так покрыты разнообразными почерками, так грязны и запутаны, что разобраться в этих иероглифах не взялись бы и учёные специалисты... А что касается любовников...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.